

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

СУББОТА, 22 ОКТЯБРЯ 1932
SAMEDI, 22 OCTOBRE 1932

НОМЕРЪ 50
ВО ФРАНЦІИ 50 САНТ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES", Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO 50
EN FRANCE 50 cent.

СУББОТА, 22 ОКТЯБРЯ 1932
SAMEDI, 22 OCTOBRE 1932

№ 4231

13-е
ANNEE
206

ABONNEMENT AUX « DERNIERES NOUVELLES »
(Partant du 1 et 16 de chaque mois)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ПОСЛѢДНІЕ НОВОСТИ“
(съ 1-го и 16-го каждого мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи France	14	40	75	145
За границей Etranger	25	70	125	235

Перемѣна адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.

Подписка принимается въ Конторѣ газетъ и въ всѣхъ отдѣленіяхъ, а также въ войсковыхъ отдѣленіяхъ.
Цѣна для Парижа и провинціи — 50 сант.
За границей — 90 сант.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газетъ.
On s'abonne aux Bureaux du Journal et dans tous les Bureaux de Poste.
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 90 cent.
Annonces: aux Bureaux du Journal

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION
Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro: Arts et Métiers)

Телефонъ редакціи TURBIGO 81-52
„ конторы ARCHIVES 83-00
„ отд. объявленій. ARCHIVES 84-95 и слѣд.
Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):
PROVENCE 39-44
Телеграфный адресъ. Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

№ 4231

13-Я ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
206

Александринцы

6. *)

«ЧАЙКА» НА АЛЕКСАНДРИНСКОЙ СЦЕНЕ

«У меня гостит художник Левитан. Вчера вечером был с ним на тягѣ. Он выстрѣлилъ въ вальдшнепа; сей, подстрѣленный въ крыло, упалъ въ лужу. Я поднялъ его: длинный носъ, большіе черные глаза и прекрасная одежда. Смотритъ съ удивленіемъ... Пришлось послушаться Левитана и убить его. Однимъ красивымъ, влюбленнымъ созданиемъ стало меньше, а два дурака вернулись домой и съли ужина».

Такъ зародился сюжетъ «Чайки». Въ пьесѣ сохранилось указаніе на охотничій случай, рассказанный въ письмѣ Чехова къ Суворину: онъ превратился въ «сюжетъ для небольшого рассказа», который Тригоринъ записываетъ въ свою книжку при видѣ убитой на охотѣ чайки. Названіе «Чайки» явилось у Чехова раньше драмы: прежде чѣмъ прикѣпиться къ пьесѣ, оно, по видимому, предназначалось для журнала, редактированіе которымъ Суворинъ предлагалъ Чехову. Но вскорѣ Чеховъ сообщаетъ: — «мнѣ кажется теперь, что названіе Чайка не подходитъ», а затѣмъ отказывается и отъ самаго редактированія, находя его «преждевременнымъ».

Только черезъ три года послѣ охоты съ Левитаномъ, у Чехова является мысль о пьесѣ: «Я напишу что-нибудь странное...» «Пишу пьесу для московскаго Малаго театра...» «Пишу ее не безъ удовольствія, хотя страшно вѣрю противъ условій сцены... пейзажъ (видъ на озеро), много разговоровъ о литературѣ, мало дѣйствія, пять пудовъ любви». Пьеса носитъ «птичье названіе — Чайка». Закончилъ онъ ее въ декабрѣ 1895 года, но «до будущаго сезона времени много, такъ что возможны самыя коренныя измѣненія», и онъ проситъ Суворина сказать, «что и какъ», онъ «попросилъ бы дать прочесть и Потапенкѣ, буде сіе занятіе ему не очень скучно».

Чеховъ въ то время былъ избалованъ сценическими успѣхами. Его «Ивановъ»,

изумительно исполненный Давыдовымъ, имѣлъ успѣхъ, его одноактная комедія не сходили съ репертуара казенныхъ театровъ. Отъ «Чайки» онъ ждетъ новыхъ триумфовъ и заранее имъ радуется: «Пьеса моя пойдетъ въ Александринскомъ театрѣ въ юбилейный бенефисъ. Будетъ торжественно и шумно». Онъ дразнитъ брата Александра Павловича (тоже писателя), что тотъ будто бы «будетъ вездѣ хватать, что ее написали». Онъ уговариваетъ Н. А. Щеглова задержаться въ Петербургѣ, чтобы присутствовать на первомъ представленіи, и весело пишетъ ему: «Около 6-го жажда славы повлечетъ меня въ Сѣверную Пальмиру на репетицію моей Чайки». Онъ передаетъ слухи: «Говорятъ, что Правдинъ беретъ Чайку для своего бенефиса» въ Московскомъ Маломъ театрѣ и приглашаетъ родныхъ и друзей на петербургскую премьеру. Объ исполненіи онъ совѣтуетъ съ Суворинымъ, мнѣнію котораго безусловно довѣрялъ: «Прочитай Ваше послѣднее письмо, я остановился на такомъ распредѣленіи ролей: Треплевъ — Аполлонскій, Соринъ — Писаревъ, Зарѣчная — Савина, управляющій — Варламовъ, Маша — Читау, Тригоринъ — Сазоновъ, докторъ — Давыдовъ. А кто будетъ играть актрису? Дюжиновой я не знаю, отродясь ее не видѣлъ; если Вы думаете, что роль подходитъ для нея, то пусть она играетъ актрису. Тогда Абаринской роль жены управляющаго». Это чеховское распредѣленіе ролей было соблюдено, лишь съ небольшими измѣненіями: Дорна игралъ Писаревъ, Давыдовъ игралъ Соринъ, а вмѣсто отказавшейся Савиной режиссеръ Е. П. Карповъ поручилъ роль Зарѣчной молоденькой актрисѣ В. Ф. Комиссаржевской. Чеховъ присутствовалъ на репетиціяхъ и сообщалъ свои впечатлѣнія: «Комиссаржевская играетъ изумительно». «Комиссаржевская — чудесная актриса», — пишетъ онъ А. Ф. Кони, — «на одной изъ репетицій многіе, глядя на нее, плакали и говорили, что въ настоящее время въ Россіи это лучшая актриса», и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ другому лицу: «на одной изъ репетицій сидѣшіе въ партерѣ плакали, повѣсивъ носы». Распре-

дѣленіе даже мелкихъ ролей было блестящимъ, какъ подобало торжественному спектаклю.

Юбиларна Левкѣва просила пьесу для своего бенефиса. Авторъ, быть можетъ, попустилъ неосторожно, охотно давъ свое согласіе, въ надеждѣ на пышность спектакля. Онъ могъ предвидѣть неудобство постановки сложной и трудной пьесы для бенефиса комической актрисы: «Если послушаться Потапенки и эту роль отдать Левкѣвой, то, пожалуй, публика станетъ ждать отъ этой роли чего-нибудь смѣшнаго и разочаруется. Видѣ Левкѣва пользуется славой прекрасной комической актрисы, и эта слава можетъ задвинуть роль».

Эта слава «задавила» весь спектакль. Собранный на ея юбилей веселая публика «ждала чего-нибудь смѣшнаго» и смѣялась въ неподходящихъ мѣстахъ: «Писаревъ, кончивъ пьесу, сказалъ, что въ соседней комнатѣ лопнула бутылка, — и публика смѣялась». Первостъ автора, со второго акта сиротавинатся въ уборной Левкѣвой, передается актерамъ. Комиссаржевская, только начинавшая на казенной сценѣ свою карьеру, подѣлала къ режиссеру, спрашивая со слезами — «что же это такое?», и невозмутимый Карповъ успокаивалъ ее тѣмъ, что смѣшки случайной бенефисной публики не могутъ отразиться на успѣхѣхъ пьесы: «Пьеса идетъ и будетъ идти отлично».

Уже на первомъ представленіи, которое Чеховъ воспринималъ какъ «пробу», у части публики былъ несомнѣнный успѣхъ, подтверждаемый устными и письменными свидѣтельствами присутствовавшихъ. Суворинъ упрекалъ Чехова за поспѣшное «обѣщаніе», дружески боря за «трусость» и обзывая «бабой», — «зачѣмъ такая диффамация?», — возражалъ ему Чеховъ. Ахманъ въ свое мнѣніе, онъ получалъ множество телеграммъ, писемъ, привѣтствій: «сколько я получаю писемъ!». Въ подтвержденіе успѣхъ «Чайки». «Успѣхъ колоссальный», — телеграфировалъ ему Потапенко. Послѣ авторитетнаго и подробнаго письма присутствовавшего на премьерѣ Кони, Чеховъ, цѣпившій его мнѣніе, призналъ, что «я теперь покоюсь и вспоминаю о пьесѣ и спектаклѣ безъ огорченія».

Какъ могла при такихъ несомнѣнныхъ доказательствахъ успѣха, создаться ложная легенда чуть не о «провалѣ» «Чайки»? Причиной тому была острая чувствительность Чехова, который поспѣшилъ, не дожидаясь даже провѣрки своихъ впечатлѣній, разо-

дать всѣмъ письма, что пьеса «шлепнулась и провалилась съ трескомъ». Ему, въ порывѣ досады, казалось, что «распредѣляя роли не я», хотя распредѣленіе было сдѣлано согласно его указаніямъ, что «была только одна репетиція», на которой «играли гнусно, глупо», — «сквозь отвратительную игру нельзя было понять пьесы». Онъ не могъ забыть пережитыхъ минутъ: — «вчерашняго вечера я не забуду никогда». Онъ признавалъ, что «успѣхъ второго и третьяго представленія не можетъ стереть съ моей души впечатлѣнія перваго представленія». «Чайка» осталась для него «злосчастной» пьесой, съ которой связано «одно изъ непріятнѣйшихъ воспоминаній».

Такъ была укрѣплена легенда о «неуспѣхѣ» играть Чехова актерами, создавшими на Александринской сценѣ и славу «Иванова» и первый общероссійскій успѣхъ «Чайки».

Чеховъ самъ сознавалъ свою исключительную житейскую впечатлительность: «Для самолюбивыхъ людей, неврасценивъ нѣтъ удобствъ жизни, какъ пустынножительство», и онъ любилъ свое Мелихово, гдѣ «ничто не дразнитъ самолюбія, и потому не мечешь молній изъ за яйца выдѣннаго». Онъ всегда ощущалъ, что «нѣтъ ничего больнѣе, какъ неуспѣхъ». Неуспѣхъ же «Чайки» — хотя бы кажущійся и тотчасъ заглаженный явными ея триумфами, — былъ для него особенно чувствительнымъ, такъ какъ это была единственная пьеса, въ которую онъ вложилъ много автобіографическаго.

Тригоринъ и Треплевъ созданы изъ двухъ половинокъ самого Чехова. Тригоринъ олицетворялъ уже осуществленное Чеховымъ и получившее признаніе. Въ его уста Чеховъ точно нарочно вкладываетъ собственные слова, — какъ, напримѣръ, его жалобы на писательскую работу, почти дословно совпадающія съ выраженіями нѣкоторыхъ чеховскихъ писемъ, — и заставляетъ Треплева, вышучивая манеру Тригорина, приводить чеховскую цитату. Треплевъ, написавшій «декадентскую» пьесу о міровой душѣ, отразилъ въ нѣсколько успешномъ видѣ мечты самого Чехова о созданіи какого-то новаго, небывалаго театра. — «Отчего Вы не попытаетесь поставить въ театрѣ Меттерлинка?» — спрашивалъ онъ Суворина въ 1895 году, году написанія «Чайки». — «Если бы я былъ директоромъ Вашего театра, то я въ два года сдѣлалъ бы его декадентскимъ или старался

бы сдѣлать. Театръ, быть можетъ, казался бы страннымъ, но все же онъ имѣлъ бы физиономію». Именно такимъ «страннымъ» театромъ была показанная въ первомъ актѣ «Чайки» пьеса Треплева, — и можно предполагать, что въ ней Чеховъ пробовавъ себя на новыхъ «декадентскихъ» путяхъ. Пережитая обиды заставила его не повторять опыта, — и ни въ одной изъ послѣдующихъ пьесъ Чеховъ уже не дѣлаетъ попытокъ «декадентства», оставаясь въ сферѣ бытовой дѣйствительности. «Чайка» была написана имъ съ самозабвеніемъ, съ максимальнымъ — для всегда о сѣбѣ молчавшаго, сдержаннаго Чехова, — самораскрытіемъ въ двухъ антиподахъ своего я: въ Тригоринѣ и Треплевѣ. Чеховъ былъ какъ бы обнаженъ для удара, — и вотъ почему мелочи перваго спектакля такъ непоправимо больно ранили его, несмотря на успѣхъ «Чайки». Ему казалось, что «17-го октября не имѣла успѣха не пьеса, а моя личность». Онъ ощущалъ, — безъ всякаго къ тому основанія, — что «театръ дышалъ злобою» противъ него, что приглашенные имъ друзья предали его, и онъ готовъ былъ раздѣлять «антипатію къ Петербургу» Влад. Ив. Немировича-Данченко. Осмѣяніе, хотя бы случайное, было для него осмѣяніемъ его собственныхъ чувствъ: «я не могу забыть того, что было, какъ не могъ бы забыть, если бы, напримѣръ, меня ударили».

Постановка Московскаго Художественнаго театра состоялась лишь черезъ три года. Къ тому времени «Чайка» обошла всѣ провинціальныя сцены, была напечатана и получила широкую извѣстность. Распространилась и исторія перваго недоразумѣнія, тайнѣ болѣзненно воспринятаго Чеховымъ. Была извѣстна и тяжкая болѣзнь автора, безвыѣздно жившаго въ Ялтѣ. Все это окружало пьесу особой атмосферой нѣжнаго сочувствія. Нѣкоторыя поправки были сдѣланы на основаніи Александринскаго опыта. На премьеру собрались не случайные поклонники знаменитой комической актрисы, а восторженные прозелиты новой театральнѣйшѣй, — въ этихъ условіяхъ можно было не опасаться случайныхъ смѣшковъ. Въ Московскомъ Художественномъ театрѣ ставили не новую пьесу молодого автора передъ неподготовленной публикой, какъ это было въ Александринскомъ, — шла прославленная пьеса прославленнаго автора.

«Злосчастную» Чайку избрали для выраженія чувствъ больному Чехову, — и это

только закрѣпило легенду о первомъ неуспѣхѣ. Чехову послали адресъ съ многочисленными подписями, и всю ночь его будили привѣтственными телеграммами. Чеховъ писалъ, что — «Роксанова — Чайка очень понравилась», хотя «въ послѣднемъ актѣ могла бы быть чуточку покрасивѣе». Но Чехова беззаконило, что, судя по отзывамъ, «Станиславскій играетъ Тригорина какимъ-то разслабленнымъ», тогда какъ «Тригоринъ нравится, увлекаетъ, интересенъ однимъ словомъ». Чеховъ видѣлъ московскую постановку значительно позже на специально для него устроенномъ закрытомъ спектаклѣ: «Чайку видѣлъ безъ декораций, судить о пьесѣ не могу хладнокровно». Связанный съ Московскимъ Художественнымъ театромъ тѣснѣйшими личными узами, онъ закрѣпилъ за нимъ свое авторское признаніе, хлопоча даже объ изданіи своихъ пьесъ съ декорациями, гриммами и планами постановокъ «москвичей».

Никакая сцена, конечно, не могла имѣть такой Нины Зарѣчной, какою была Комиссаржевская, какъ не могла имѣть такого Шамраева, Сорина, Дорна. Комиссаржевская, Варламовъ, Давыдовъ, Писаревъ были явленіями исключительными. При возобновленіи «Чайки» на Александринской сценѣ произошли измѣненія: уже не было Комиссаржевской, отсутствовала тоненькая, простая и убѣдительная Маша — Читау, Соринъ игралъ Варламовъ, Треплевъ, вмѣсто Аполлонскаго, игралъ подлинно «чеховскій» актеръ Ходотовъ, обладавшій исключительной первой искренностью. Савина сдѣлала изъ Аркадиной одну изъ лучшихъ своихъ ролей, съ ей одной свойственной «ювелирной» тонкостью передавъ безъ малѣйшаго бытоваго напряженія сплетеніе борющихся въ ней противоположныхъ чувствъ. Какъ забыть ея легкую «актрисную» походку, привычно веселый блескъ глазъ и внезапное пробужденіе молодой материнской любви въ третьемъ актѣ, когда, нѣжно наклонясь къ сыну, она искусными руками дѣлаетъ ему перевязку? Какъ забыть такъ много раскрывающую въ капризно-страстныхъ интонаціяхъ сцену ея съ Тригоринимъ, дѣтскій испугъ, при звукѣ выстрѣла, и дѣтское же успокоеніе при отвѣтѣ, что «лопнула склянка съ эфиромъ», въ финалѣ пьесы? Какъ забыть чудесный простой, человѣчный образъ Сорина — Варламова, будившій слезы тихою своей жалобой? «Чайка» была однимъ изъ чудесныхъ спектаклей великолѣпнаго ансамбля «александринцевъ». Ю. Сазонова.

*) См. «Посл. Нов.», ном. 4188, 4193, 4198, 4200 и 4214.